

деталюм, акцентироваемым автором. Костюм, связаннй с образами иностранцев при дворе Анны Иоанновны, формирует колоритную группу, объединённую на основе маркирования в одежде чего-то звериного, что позволяет говорить о недвусмысленной авторской оценке этих персонажей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гранин Д. А. Вечера с Петром Великим. Сообщения и свидетельства господина М. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф : ООО «МиМ-Дельта», 2003. – 447 с.
2. Коршунова Т. Т. Костюм в России XVIII – начала XX века: Из собрания Государственного Эрмитажа: Альбом. – Л.: Художник РСФСР, 1979. – 282 с.: ил.
3. Петров С. М. Русский советский исторический роман. – М.: Современник, 1980. – 412 с.
4. Пикуль В. С. Слово и дело: роман-хроника времён Анны Иоанновны // Пикуль В. С. Собр. соч.: В 20 т. – М.: Деловой центр, 1992. – Т. 6. – Кн. 1. – 603 с.
5. Пикуль В. С. Слово и дело: Роман-хроника времён Анны Иоанновны // Пикуль В. С. Собр. соч.: В 20 т. – М.: Деловой центр, 1992. – Т. 7. – Кн. 2. – 671 с.
6. Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10 т. – М.: ГИХЛ, 1959. – Т. 7. – 861 с.

УДК 821.161.1.09-1+929Дрожжин+82.02“18”

А. М. Бойников

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНОФИЛЬСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ С. Д. ДРОЖЖИНА

В статье рассматривается характер влияния славянофильских воззрений на творчество поэта-крестьянина С. Д. Дрожжина. Основное внимание уделяется воплощению в его стихотворениях образа генерала М. Д. Скобелева, героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Ключевые слова: С. Д. Дрожжин, М. Д. Скобелев, славянофильство, русско-турецкая война, православие, соборность, самодержавие.

Своеобразие мировоззрения наиболее популярного на рубеже XIX–XX веков русского поэта-крестьянина Спиридона Дмитриевича Дрожжина (1848–1930) выразилось в том, что в 1860–1870-е гг. он наряду с революционно-демократическими испытывал сильное воздействие славянофильских воззрений, поскольку и те, и другие являлись в то время двумя важными векторами общественного сознания. О демократической основе лирики Дрожжина было немало сказано советскими литературоведами [1: 121; 3: 756; 5: 133; 9: 95; 10: 15; 13: 54]. Славянофильский же компонент, оказавший существенное влияние на тематику ряда его произведений и тесно связанный с православием, по сей день остаётся практически неисследованным.

Осмысливая в своей автобиографии философскую проблему смысла жизни в духе православного миропонимания, Дрожжин пишет: *«Нужно жить, трудиться и терпеть, а терпение и любовь к сознательному труду*

всё превозможет» [11: 101], поднимаясь до широких мировоззренческих обобщений: *«Как хорошо бы нам жилось, если бы из нас сильные не обижали слабых. “Возлюбим друг друга, да единомыслие исповемы”, провозглашает священник, что значит: братья и сестры, без различия религий и народности, соединимся в одну семью и будем жить как один человек. Вот где предел человеческому стремлению к счастью на земле»* [11: 311].

Поэт выразил здесь одну из краеугольных славянофильских идей, получившую плодотворное продолжение в русской религиозной философии Серебряного века, – идею православной соборности. Так, Н. О. Лосский подчёркивал, «соборность есть сочетание единства и свободы многих лиц на основе совместной любви к Богу и всем абсолютным ценностям» [8: 442].

В суждениях С. Д. Дрожжина заметен след ещё одного постулата славянофильства – отрицательного отношения к западной цивилизации. 1 августа 1877 г. он записывает в дневник: *«На днях посетил меня Н. В. Верещагин. Какой он хороший и как я его люблю! Вот если бы побольше было в России таких людей, небось, тогда к чёрту бы и гнилой запад!»* [11: 310].

С наибольшей ясностью и основательностью славянофильские воззрения поэта проявились в его стихотворениях, посвящённых М. Д. Скобелеву, написание которых было вызвано важным внешнеполитическим событием – освобождением в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Болгарии от почти 500-летнего турецкого геноцида, отличавшегося неимоверной жестокостью по отношению ко всем славянским народам. Именно на этой войне во всём блеске раскрылся полководческий талант прославленного генерала-патриота Михаила Дмитриевича Скобелева (1843–1882). Его отличали глубокие военные знания, позволявшие в неблагоприятных условиях одерживать победы над численно превосходящими силами врага, личная отвага и бесстрашие, уважение и доверие простому солдату. Б. А. Костин в биографической книге о Скобелеве подчёркивал: «Как отмечали тогда (в 1878 г. – А. Б.) многие газеты, в русской армии появился полководец, заявивший о себе как достойный продолжатель русских национальных традиций в военном искусстве» [7: 138]. Широкая популярность М. Д. Скобелева во всех слоях русского общества как освободителя славян не прошла мимо внимания и С. Д. Дрожжина, который в 1870–1880-х гг. трижды обращался в своей лирике не только к представлению личности этого генерала, но и к изображению эпизодов боевых сражений с его непосредственным участием.

Впервые «скобелевская» тема появилась в поэзии Дрожжина ещё до русско-турецкой войны. С 26 июня (все даты в статье приводятся по старому стилю – А. Б.) 1874 по сентябрь 1875 г. он работал в Ташкенте на табачной фабрике С. Б. Агамалова [11: 119–121]. В то время достиг своего апогея вооружённый конфликт России с Кокандским ханством, объявившим в 1860 г. о «священной войне» против неё. 18–22 августа 1875 г. состоялся поход русских войск на Коканд, столицу ханства, которая была взята. Откликаясь на это событие, Дрожжин уже 23 августа 1875 г. пишет «Военную песню», где прославляет доблесть русских солдат, усмиривших врага:

Мелькают пёстрые фуражки
Среди бесчисленных полков
И льётся кровь от русской шашки
От меткой пики казаков.

Идут вперёд, не отступают
Перед озлобленным врагом,
Свой стяг в Кокане (так в тексте – А. Б.) водружают
И снова мир в краю родном» [12].

Казачьей конницей при взятии Коканда командовал полковник М. Д. Скобелев.

Второй раз Дрожжин изображает Скобелева в стихотворном рассказе «Сын полка» (1879), история создания которого, скорее всего, связана с весьма интересным обстоятельством: «Раненные солдаты и офицеры, служившие со Скобелевым, отправляясь в Россию, передавали из уст в уста рассказы о нём, содержавшие наряду с правдой элементы типично русского былинного творчества» [7: 138]. Один из таких рассказов был, вероятно, услышан и впоследствии использован С. Д. Дрожжиным.

В «Сыне полка» поэт максимально дистанцируется от выражения своего личного восприятия изображаемых событий. Он выступает здесь лишь как автор-повествователь (термин Б. О. Кормана), когда «преимущественное внимание читателя обращено на предмет изображения» [6: 46]. Такая авторская позиция, к тому же закреплённая в подзаголовке «Рассказ солдата», обусловила и композицию произведения, построенного как «рассказ в рассказе». Солдат возвращается с русско-турецкой войны в родные места. Остановившись на отдых в деревне, он делится воспоминаниями о пережитом с угостившим его «хлебом-солью» мужиком. С целью придания динамизма повествованию С. Д. Дрожжин разреживает монолог солдата вопросительными репликами собеседника-крестьянина. Для усиления фактографической подлинности рассказа поэт сохраняет речевой колорит действующих лиц, используя простонародные слова и выражения «на турку ходили», «служивый», «впервой», «енерал», «ерой», «братец мой», «лясы точить» и т. п.

Действие рассказа отчасти локализовано в словах солдата: «Я помню, когда мы Дунай перешли // И как приближались к Плевне, // То наш батальон отдохнуть привели // К богатой турецкой деревне» [2: 268]. Возможно, здесь говорится о деревне Кришин, куда 18 июля 1877 г. подошёл отряд под командованием М. Д. Скобелева [7: 59]. Воссоздавая ёмкими, выразительными деталями картину последующего боя, разрушения, гибели солдат и мирных жителей, Дрожжин вводит в рассказ самого генерала:

Один мой земляк в эту пору упал,
Свинцовою пулей пробитый,
А рядом с ним турок над сыном стонал,
Горячею кровью облитый,
Да малые дети своих матерей
Средь груды развалин искали.
Признаться, мы этих забытых детей

Не мало в ту пору забрали.
И был у нас, братец ты мой, енерал,
Все знали его, как «ероя»,
Он часто, бывало, малюток спасал
Средь самого жаркого боя... [2: 268–269].

Достоверность солдатской молвы о генерале Скобелеве, лично спасающем турецких детей, подкрепляется затем подлинным свидетельством рассказчика-очевидца:

Однажды мы брали какой-то редут,
Вдруг мальчик меж нами явился,
И наш енерал в эту пору, как тут
На белом коне очутился;
Велел он малютку тогда же мне взять
И вынести из поля сраженья... [2: 269]

М. Д. Скобелев выведен в стихотворении решительным и отважным командиром, который рискует в битве собственной жизнью. Такое поведение на войне было для него повседневным. Генерал никогда не отступал от своего правила: «Начальник должен сам водить свою часть в бой, а не посылать её» [4: 89]. Однако основное внимание поэт акцентирует на другой стороне натуры Скобелева – конкретном, действенном гуманизме по отношению к мирному населению воюющей с Россией страны. Конечно, в реальности мог иметь место факт, когда Скобелев приказал кому-то из солдат вынести турецкого ребёнка из-под обстрела, но этот единичный случай был вследствие устного распространения в войсках возведён в ранг одного из многих, создав генералу соответствующий гуманистический ореол. Явно вымышленной показывается дальнейшая судьба этого, потерянного матерью, турецкого мальчика, который остался в русском отряде «сыном полка»: «Окончилась с туркой война, енерал // Взял в Питер с собой и турчёнка, // И там, слышь, его, говорят, воспитал // Заместо родного барчёнка...» [2: 270]. Тем не менее, одно из многочисленных устных преданий, зафиксированное Дрожжиным, доказывает, что в сознании русского солдата Скобелев остался истинным человеколюбом.

Интерес поэта к личности генерала мог возникнуть и под влиянием упомянутого выше Н. В. Верещагина (брата знаменитого художника-баталиста В. В. Верещагина), с которым Дрожжин познакомился в феврале 1876 г. [11: 307]. Сам же В. В. Верещагин знал М. Д. Скобелева с 1870 г., во время русско-турецкой войны был его адъютантом, видел знаменитый третий штурм Плевны 30 августа 1877 г. В декабре того же года художник в тяжелейших зимних условиях совершил с его отрядом переход через Балканы и участвовал в решающем бою за Шипку при деревне Шейново.

Неожиданная кончина М. Д. Скобелева 25 июня 1882 г. в московской гостинице «Англия» потрясла не только Россию и Болгарию, но и вызвала многочисленные сочувственные отклики в печати других европейских

стран. С. Д. Дрожжин, «поражённый смертью народного героя» [11: 327], уже 29 июня пишет стихотворение «Памяти М. Д. Скобелева»:

Едва ли выразит певец
Осиротелому народу
Какой угас его боец
За честь и русскую свободу.
Певцу ли в силах воспевать
Теперь народного кумира,
Когда тоскующая лира
Лишь может стоны издавать.
Разбилось сердце золотое
Того, кто грудью постоял
За дело родины святое
И всенародный идеал;
Того, кто лаврами венчать
Умел солдатские знамёна,
Чтобы сильней могла корона
Вождя державного блистать.
Не он ли жизни не щадил,
Шёл впереди на бой кровавый
За Русь святую и почил
Во цвете лет, венчанный славой,
И не его ль кичливый враг,
Как грома Божия, боялся...
Пускай теперь он тлен и прах,
Но дух героя в нас остался.
Семья славянская сильна,
Когда великая Россия
В свои скрижали нам такие
Ещё заносит имена [11: 327–328].

Мы видим, что М. Д. Скобелев предстаёт здесь, скорее, в качестве харизматической личности, воина-богатыря, пользующегося всенародной любовью и признательностью. Его смерть – невосполнимая утрата для русского народа. Воскрешая память о боевых делах Скобелева, Дрожжин отказывается от сугубо реалистических подробностей и оперирует возвышенными поэтическими формулами, порой весьма «размытыми» в смысловом плане: «*тоскующая лира*», «*сердце золотое*», «*всенародный идеал*», «*бой кровавый*», «*венчанный славой*» и т. п. В результате героический образ Скобелева-полководца становится символом защитника православной и самодержавной Руси. С. Д. Дрожжин, конечно же, не ставил целью отразить в стихотворении весь спектр противоречивых мнений, которые циркулировали вокруг имени генерала в последние годы его жизни. Проникновенно воплотив глубокую народную скорбь, поэт сумел показать объективное духовно-историческое значение личности Скобелева для России.

Сегодня это произведение С. Д. Дрожжина остаётся практически неизвестным, поскольку позднее не включалось даже в самые крупные сборники

ки поэта, возможно, из-за цензурных соображений. Публичные речи М. Д. Скобелева в поддержку славянства, произнесённые в Петербурге 12 января и в Париже 15 февраля 1882 г. и носившие ярко политический характер, не только имели негативные дипломатические последствия, но и вызвали настороженность у императора Александра III. Следует указать и на то, что содержание этого стихотворения и в особенности его концовка, выдержанная в классическом славянофильском духе, во многом совпадают с положениями петербургской речи М. Д. Скобелева, опубликованной И. С. Аксаковым в газете «Русь» (1882. № 5). В ней генерал, в частности, упоминал о том, что его «год тому назад Бог сподобил верою и правдою отслужить царю и России» (имеется в виду взятие Скобелевым текинской крепости Геок-Тепе в Туркестане 12 января 1881 г. – А. Б.), «как дорога сердцу самодержавному честь русского православного знамени» и «что русский народ составляет одну семью с племенем славянским» [4: 218–219].

Обращение поэта к образу героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг. М. Д. Скобелева свидетельствует о его стремлении проникнуть в суть наиболее значимых общественных явлений эпохи и в славянофильском ключе осмыслить важные стороны исторического развития России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьян К. Н. Поэзия 1880–1890-х гг. // История русской литературы: В 4 т. / Редкол. Н. И. Пруцков (гл. ред.) и др. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1983. – Т. 4. – С. 119–121.
2. Дрожжин С. Д. Стихотворения. 1866–1888. Третье, значительно исправленное и дополненное издание, с портретом и записками автора о своей жизни и поэзии. – М.: Типография Т-ва И. Н. Кушнерёва, 1907. – 534 с.
3. Золотницкий Д. И. Дрожжин и поэты деревни // История русской литературы: В 10 т. / Глав. ред. М. П. Алексеев, Н. Ф. Бельчиков – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 10. – С. 755–763.
4. Кнорринг Н. Н. Генерал Михаил Дмитриевич Скобелев: Исторический этюд // Белый генерал. – М.: Патриот, 1992. – С. 13–276.
5. Коржан В. В. О путях развития демократической поэзии (вторая половина XIX – начало XX века) // Русская литература. – 1979. – № 2. – С. 128–140.
6. Корман Б. О. Лирика Некрасова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ижевск: Удмуртия, 1978. – 299 с.
7. Костин Б. А. Скобелев. – М.: Патриот, 1990. – 175 с.
8. Лосский Н. О. История русской философии. – М.: Прогресс, 1994. – 456 с.
9. Лотман Л. М. Крестьянские поэты 60–70-х годов // История русской поэзии: В 2 т. / Отв. ред. Б. П. Городницкий – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – Т. 2. – С. 95–106.
10. Нагорная Н. М. Русская демократическая поэзия второй половины XIX века. – Киев: Вища школа, 1984. – 135 с.
11. Поэт-крестьянин С. Д. Дрожжин в его воспоминаниях. 1848–1884 // Русская старина. – 1884. – Т. XLIV. – С. 93–122; 307–334.
12. РГАЛИ. – Ф. 176. – Оп. 1. – Ед. хр. 7. – Л. 39.
13. Сидельников В. М. Низовский соловей // Сидельников В. М. Писатель и народная поэзия. – М.: Советская Россия, 1980. С. 45–64.